

© 2025 г.

С.Я. СУЩИЙ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ СОПРЯЖЕНИЯ И ВНЕШНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В РЕГИОНАХ УКРАИНЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

СУЩИЙ Сергей Яковлевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Россия (SS7707@mail.ru).

Аннотация. Существующие варианты культурно-исторического и социокультурного районирования Украины оставляют в стороне вопросы, насколько сами региональные общности сохраняют приверженность своим историко-культурным корням, ощущают культурное родство, каковы их доминирующие внешние ориентации. Серия опросов, выполненных в 2018 г. социологической группой «Рейтинг» во всех областях Украины, позволяет изучить эти проблемные аспекты. Проведенный анализ зафиксировал доминанту внешних ориентаций над внутренними – $\frac{3}{4}$ регионов Украины в первую очередь ощущали свое культурно-историческое родство с сопредельными странами, из которых масштабом влияния выделялись Беларусь, Польша и Россия. В зависимости от силы притяжения к ним региональных социумов зафиксированы российская, белорусская, белорусско-польская и польская зоны, а также значительное число подзон внешней культурной ориентации. Для внутреннего пространства Украины характерны слабые межрегиональные культурно-исторические сопряжения. Они концентрировались внутри ряда ареалов-макрорегионов (Восток, Юг, Центр, Центр-Запад, Запад), из которых Запад и Юг характеризовались повышенной степенью социокультурной консолидации. Сопряжения региональных сообществ из разных ареалов практически всегда представляли взаимную ориентацию ведущих регионов (Днепропетровская, Киевская, Львовская, Одесская, Харьковская области). В целом регионы Запада и Центра культурно-исторически дистанцировались от русскоязычного Юго-Востока в значительно большей степени, чем он от них. Столичный регион не вызывал чувства культурного родства у большинства региональных социумов Запада и Юго-Востока, поэтому не в полной мере справлялся с задачей социокультурной консолидации страны. Более значимой была роль Львовской области, на которую ориентировались наиболее украиноцентричные группы населения всей Украины.

Ключевые слова: региональные сообщества Украины • социокультурные макрорегионы • межрегиональные ориентации • векторы и зоны внешнего культурного притяжения • ареалы межрегионального притяжения

DOI: 10.31857/S0132162525020108

Типологии регионов Украины. Регионализм Украины, структура которой представляет сложную результирующую длительной исторической эволюции этнокультурного ареала украинцев, административно-территориальных реформ имперского и советского периодов, персональных решений представителей высшего руководства страны, привлекал внимание исследователей с начала – середины 1990-х гг. Это вполне закономерно, поскольку социоэтнокультурные особенности республиканского социума, приемлемые в период его пребывания в качестве союзной республики в составе СССР, становились фактором потенциальной конфликтности после стремительной трансформации УССР в самостоятельное государство, приступившее к реализации собственного национального проекта [Мошес, 1997: 83–95; Русские..., 1998; Савоскул, 2001: 35–38].

Для изучения особенностей многосоставной структуры Украины многим специалистам представлялось наиболее естественным использовать информацию о языковой структуре населения различных регионов страны – удельном соотношении в отдельных территориальных сообществах украинско- и русскоязычных [Шульга, 2010]. Одним из результатов использования этого подхода стало формирование у части экспертного сообщества в 1990–2000-е гг. устойчивого представления о наличии двух Украин – «украинофонной» и «россиецентричной». При этом, как отмечал А. Портнов, присутствовала «огромная манипуляция вопросом русскоязычия, тенденция представлять русскоязычное население Украины как некую гомогенную группу с присущей ей политической или культурной программой. Однако все исследования, результатов выборов в том числе, показывают, что такой гомогенной группы на самом деле нет...» [Портнов, 2010].

В исследовательской литературе присутствовали варианты и более детального социокультурного и историко-культурного районирования Украины. В.А. Темненко [1998] на основе «языкового индекса украинцев» (доли украиноязычных украинцев) фиксировал в пределах Украины три культурно-языковых макрорегиона. Л. Чекаленко-Васильева [1997: 183–184] выделяла в ее составе 11 историко-экономических районов, А.Р. Никифоров [2012: 248] – девять историко-культурных регионов (Малороссия, Слобожанщина, Северное Причерноморье, Крымский полуостров, Правобережье, Волынь, Галиция, Северная Буковина, Закарпатье). Согласно же С.А. Макаrchуку [2012: 38–39], Украина может быть разделена на 11 историко-этнографических районов, включавших 31 подрайон. Все перечисленные варианты районирования Украины, делая упор на историко-политический фактор (динамику государственной принадлежности территории) и/или этнокультурную структуру населения региональных социумов, выносили за скобки вопрос, насколько эти общности в настоящее время сохраняют приверженность своим историко-культурным корням, в какой степени длительное пребывание в составе УССР, а затем общего государства сказалось на их внешних ориентациях, межрегиональных социокультурных отношениях, какие регионы и в какой мере ощущают друг с другом культурное родство.

Со второй половины 2000-х гг. активизировались исследования изменчивого соотношения украинских и российских элементов в приграничных территориальных сообществах Украины и России [Бабинцев, 2017; Гриценко, Крылов, 2011; Зотова, Колосов, 2018; Крылов, Гриценко, 2012]. Это направление оказалось достаточно продуктивным в исследовании пространственной динамики современных доминирующих моделей культурно-исторической памяти и общих социокультурных ориентаций местного населения. Но данные разработки ограничивались изучением небольших ареалов, охватывающих только пограничные территории ряда регионов Украины.

Информационная база и методика исследования. Между тем имеется объемный источник информации о внешней и межрегиональной культурно-исторической ориентации региональных сообществ Украины в конце 2010-х гг., который практически не использовался российскими исследователями при изучении ее современного социокультурного ландшафта. В ноябре – декабре 2018 г. украинской социологической группой «Рейтинг» было проведено 25 развернутых региональных опросов населения Украины (каждая из выборок

включала порядка 1600 респондентов)¹. Это комплексное исследование позволило зафиксировать взгляды жителей всех областей страны и Киева по широкому кругу вопросов, касающихся основных сфер жизнедеятельности региональных социумов².

В общей для всех регионов исследовательской анкете присутствовал и вопрос, позволивший по 9-балльной шкале оценить уровень культурно-исторической близости каждого из региональных сообществ страны к семи сопредельным государствам (Россия, Беларусь, Польша, Венгрия, Словакия, Румыния, Молдова), а также ко всем другим регионам самой Украины. Таким образом, были зафиксированы основные векторы внешнего социокультурного притяжения населения всех регионов страны, а также ведущие и периферийные ареалы межрегиональной культурно-исторической «эмпатии» каждого из региональных сообществ Украины.

Ко времени проведения этой серии опросов (конец 2018 г.) прошло уже несколько лет с начала резкого ухудшения российско-украинских отношений и реализации во всех сферах жизни украинского общества масштабных антироссийских программ. То есть, по крайней мере, для русскоязычных регионов юго-востока Украины результаты данных опросов являлись, с одной стороны, иллюстрацией способности государственной машины к масштабному социальному конструированию, формированию в массовом сознании местного населения новых вариантов моделей исторической памяти и вариантов социокультурных идентичностей, а с другой – демонстрацией способности региональных социумов противостоять этим конструктивистским практикам.

Результаты балльного шкалирования позволяют осуществить группировку стран ближнего зарубежья Украины и всех ее регионов по уровню их культурно-исторической близости к каждому отдельному региональному сообществу страны. Представляется возможным выделить следующие группы: максимальный уровень близости (8–9 баллов), высокий (6–7), средний (4–5), низкий (2–3), а также минимальный/«фоновый» уровень (1 балл) – фактически полное отсутствие культурно-исторического притяжения к данной стране или региону.

Внешние ориентации региональных сообществ Украины и их межрегиональные сопряжения представляют два самостоятельных содержательных аспекта исследования.

Внешние культурно-исторические ориентации регионов Украины. Результаты опросов свидетельствуют, что население Украины испытывало наиболее сильное культурное притяжение к трем странам – к Беларуси, Польше, России. Средневзвешенный по всем регионам Украины балл культурно-исторической близости к этим трем государствам составил соответственно 6,29, 5,50 и 4,55. Для остальных четырех стран ближнего зарубежья Украины он был существенно ниже (1,28–2,20 балла) (табл. 1). Только к Беларуси и Польше все 25 региональных сообществ указали на культурно-историческую близость выше фонового уровня, а по отношению к России – 21 (исключение составили четыре региона западного макрорегиона Украины).

В зависимости от величины российского, белорусского и польского векторов внешней культурной ориентации региональных социумов, а также от их удельного соотношения, в пределах Украины можно выделить несколько крупных зон.

Зона **российской** культурно-исторической доминанты включала четыре восточных региона – Донбасс (Донецкая и Луганская области), а также Харьковскую и Запорожскую области, население которых демонстрировало максимальный уровень притяжения к России, одновременно характеризуюсь сильной (6–7 баллов) историко-культурной привязанностью к Беларуси. Ощущался в пределах российской зоны и польский вектор культурного притяжения, уровень которого, однако, был ниже (3–5 баллов). В зависимости от степени польской ориентации в пределах российской зоны выделялись две подзоны (табл. 2).

¹ Поскольку исследование осуществлялось методом личного опроса, в пределах Донецкой и Луганской областей респонденты представляли только территории, контролируемые тогда Киевом.

² Специальный проект группы Рейтинг «Портрети регіонів» 2018 г. (25 региональных опросов, декабрь 2018) // Соціологічна група Рейтинг. URL: http://ratinggroup.ua/ru/research/regions/portrety_regionov (дата обращения: 11.07.2023).

Таблица 1

Внешняя культурно-историческая ориентация регионов Украины

Страны	Число регионов, указавших на данный уровень культурно-исторической близости к сопредельным государствам					Средний балл по регионам
	максимальный	высокий	средний	низкий	минимальный (фоновый)	
Беларусь	5	12	4	4	–	6,29
Польша	4	10	7	4	–	5,50
Россия	4	4	8	5	4	4,55
Молдова	–	–	2	17	6	2,20
Словакия	1	–	1	13	10	2,12
Венгрия	1	–	–	6	18	1,56
Румыния	–	1	–	2	22	1,28

Примечание. Данные для всех таблиц и рисунков рассчитаны по [Спеціальний проект групи «Рейтинг», 2018].

Таблица 2

Зоны доминирующей внешней культурно-исторической ориентации регионов Украины

Культурно-историческая доминанта (зоны)	Уровень культурно-исторической близости (КИБ) сопредельных государств населению регионов				Подзоны	Регионы
	Россия	Беларусь	Польша	Венгрия Словакия		
Российская	Максималь- ный	Высокий	Средний Низкий	Минимальный	1а 1б	Донецкая, Харьковская, Луганская, Запорожская
Белорусская	Высокий	Макси- мальный	Высокий	Минимальный	2а	Днепропе- тровская, Ни- колаевская, Херсонская,
	Средний		Средний		2б	Киевская
	Высокий		Низкий		2в	Черниговская, Сумская
					2г	Одесская
Лимитроф- ная зона	Средний	Средний	Средний	Минимальный	ЛЗ	Полтавская
Белорусско- польская	Средний	Высокий	Высокий	Низкий	3а	Киев, Киро- воградская, Черкасская, Винницкая
	Низкий				3б	Ровенская, Житомирская

Таблица 1. Окончание

Культурно-историческая доминанта (зоны)	Уровень культурно-исторической близости (КИБ) сопредельных государств населению регионов				Подзоны	Регионы
	Россия	Беларусь	Польша	Венгрия Словакия		
Польская	Минимальный	Средний	Максималь- ный	Низкий	4а	Терно-польская, Хмельницкая
		Низкий			4б	Львовская, Ивано-Франковская
		Средний	Высокий		4в	Волынская
Лимитрофная зона	Низкий	Низкий	Высокий	Низкий	ЛЗ	Черновицкая*
Венгро-словацкая	Минимальный	Низкий	Низкий	Максимальный	5	Закарпатская

Примечание. * У данного регионального сообщества еще две страны (Молдова и Румыния) имели уровень КИБ, сопоставимый с уровнем Польши.

Более обширной была зона **белорусского** доминирования, включавшая, помимо южных регионов русскоязычного пояса страны, также север Украины (Черниговская и Сумская области) и Киевскую область. При общей максимальной культурно-исторической ориентации на Беларусь (8–9 баллов), отдельные региональные сообщества данной зоны заметно варьировались по интенсивности притяжения к России (4–6 баллов) и еще в большем диапазоне – к Польше (2–6 баллов). Это в зависимости от соотношения российского и польского векторов позволяет выделить четыре подзоны (рис. 1).

Переходным социокультурным пространством между крупными зонами различной внешней ориентации Украины выступает Полтавская область, респонденты которой указали на практическую равновеликую (и при этом среднюю по интенсивности) культурно-историческую близость их региона с Россией, Беларусью и Польшей.

Центральный макрорегион Украины в значительной степени совмещался с зоной сдвоенного и сопоставимого по силе (6–7 баллов) белорусско-польского культурного притяжения. При этом данный ареал может быть разделен на две подзоны в зависимости от величины российского вектора: среднего по силе в Киеве, Кировоградской, Черкасской и Винницкой области; слабого в Ровенской и Житомирской областях.

Значительная часть западного макрорегиона страны представляла зону польской культурно-исторической доминанты, достигавшей в четырех областях (Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской и Хмельницкой) максимального уровня при средней/слабой силе культурного притяжения к Беларуси и полном отсутствии культурной эмпатии к России. Имелся в пределах данного макрорегиона и свой культурно-исторический лимитроф (пространство совмещенной внешней ориентации) – Черновицкая область, респонденты которой указали на равную сближенность их региона с Польшей, Молдовой и Румынией.

«Особняком» располагалась Закарпатская область. Серьезная этнокультурная специфика ее населения находила отражение и в сфере внешних культурно-исторических ориентиров: максимальное культурное сродство местные респонденты обнаруживали

Рис. 1. Зоны (подзоны) внешнего культурно-исторического притяжения регионов Украины

с двумя сопредельными государствами – Венгрией и Словакией, при слабой ориентации на Польшу и Беларусь и отсутствии притяжения к России.

Таким образом, внешние векторы культурно-исторического притяжения отдельных регионов Украины различались самым существенным образом, наглядно иллюстрируя гетерогенную этносоциокультурную структуру территории страны, обусловленную сложной историей ее формирования.

Обобщая (то есть отчасти упрощая) этносоциокультурную географию Украины на конец 2010-х гг., можно сказать, что обширный Юго-Восток страны (весь ее русскоязычный пояс) полностью относился к ареалу восточнославянской доминанты (в ее российском или белорусском вариантах), западный макрорегион отчетливо ориентировался на Польшу, а Центр был представлен региональными социумами, находившими культурно-историческое родство со всеми тремя странами.

При этом ареалы значительного (максимальный или высокий уровни) как белорусского, так и польского культурно-исторического притяжения были заметно обширней, чем у российской зоны (соответственно 17, 14 и 8 регионов). У остальных сопредельных государств такие ареалы ограничивались единичными региональными социумами Украины.

Анализ внешней ориентации региональных социумов обнаруживает корреляцию с историко-этнокультурными схемами районирования Украины. Период функционирования в составе УССР и постсоветской Украины (последние 80–100 лет) не сумел существенно ослабить память региональных социумов о внешнеположенных ареалах их культурно-исторического генезиса. В полной мере этот вывод относится и к восточным регионам страны. Их отчетливая культурно-историческая ориентация на Россию, сохранявшаяся к концу 2010-х гг., иллюстрировала значительную устойчивость россиецентричного вектора и способность региональных сообществ противостоять антироссийскому прессингу информационной машины государства. В то же время едва ли корректно полностью отрицать влияние последней (как и самого фактора ухудшения российско-украинских отношений) на культурно-исторические ориентации населения регионов Украины к концу 2010-х гг. Не исключено, что именно этими факторами объясняется доминанта белорусского вектора во внешнем культурном притяжении южных региональных сообществ. Дистанцирование от России могло сопровождаться определенной переориентацией коллективной психологии местного населения на другой восточнославянский народ.

Межрегиональные культурно-исторические ориентации регионов Украины.

Не меньшее значение для выявления уровня общей социокультурной консолидации региональных социумов Украины имеет анализ их внутренней культурно-исторической сближенности. Изучение данного проблемного блока предполагает два ракурса, фиксирующих: 1) какие регионы (и в какой степени) считал близким себе каждый региональный социум Украины; 2) какие регионы страны (и в какой степени) ответно считали близким себе данное региональное сообщество.

Иными словами, речь идет о сравнительном анализе двух территориальных групп (обозначим их условно «кто близок тебе» и «кому близок ты»), различия между которыми у большинства регионов, как показало исследование, оказались заметными.

Территориальные группы – «кто близок тебе». Можно было предположить, что состав таких территориальных групп должен в значительной степени совпадать у регионов расположенных внутри каждой из зон внешней культурно-исторической доминанты. Отчасти это предположение подтвердилось. Но география культурной близости для многих региональных социумов не ограничивалась пределами своих зон.

В первую очередь это касалось наиболее крупных и социокультурно развитых региональных сообществ Украины, демонстрировавших более широкую географию и обширный состав территорий, к которым ими проявлялась различная (но выше фоновой) степень культурно-исторической сопричастности.

У Киевской, Харьковской и Днепропетровской областей такие группы культурного «сродства» насчитывали по 10–11 регионов, а у Одесской, Донецкой и Львовской – по 8–9, тогда как у большинства небольших региональных социумов Украины – только по 4–7 (рис. 2А). Наиболее отчетливо такой изоляционизм фиксировался на Западной Украине: здесь у четырех областей обнаруживалось всего по 4–5 культурно им близких региональных социумов (причем в своем большинстве – сопредельных).

Но в пределах Украины имелось и несколько небольших областей (Винницкая, Житомирская, Кировоградская, Полтавская, Хмельницкая), имевших достаточно обширные (8–11 регионов) территориальные группы культурного притяжения. Эти области объединяло качество «пограничности» – расположение на стыке крупных социокультурных макрорегионов (Центра с Западом, Востока с Центром, Центра с Югом).

Анализ состава таких территориальных групп у разных регионов Украины обнаружил еще одну особенность. Небольшие региональные социумы, как правило, демонстрировали максимальную культурную эмпатию к социокультурному и экономическому

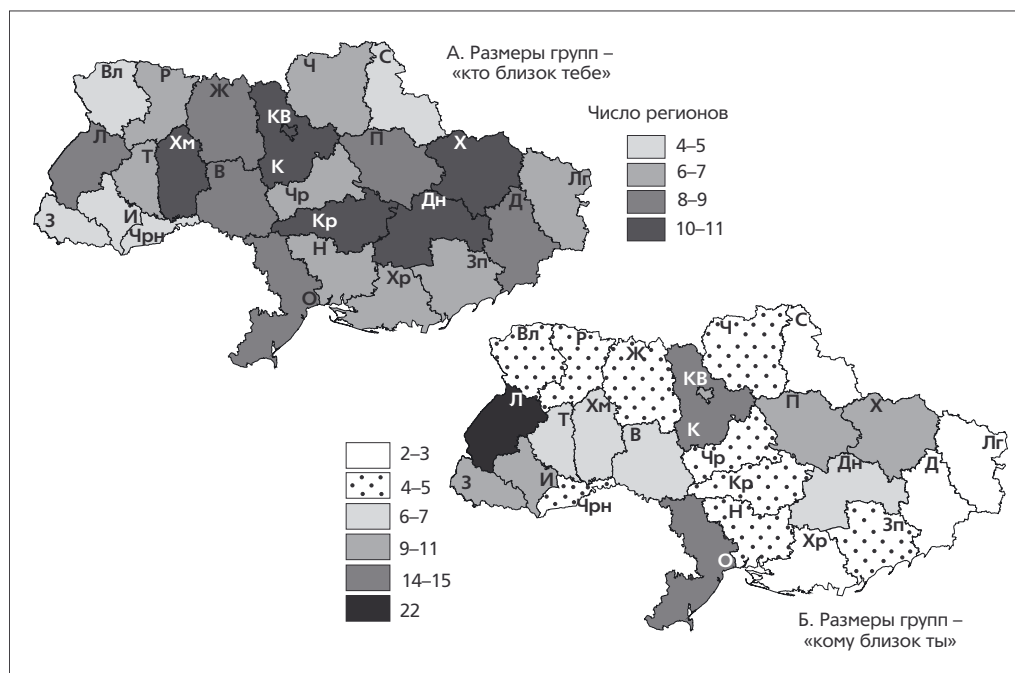

Рис. 2. Территориальные группы культурно-исторической близости региональных сообществ Украины

эпицентру своего макрорегиона (к Харьковской области на Востоке, к Одесской на Юге, к Киевской в Центре, к Львовской на Западе). А крупные региональные социумы (т.е. эти эпицентры), помимо сближенности с рядом территорий своего макрорегиона, указывали на культурно-исторические взаимосвязи с эпицентрами других макрорегионов, не замечая остальной их периферии. Именно данная особенность и формировала более широкий круг культурно «референтных» территорий крупных регионов.

Итак, на уровне своих ведущих регионов Украина демонстрировала большую культурно-историческую взаимосвязанность, чем фиксировалась между целыми макрорегионами страны, представляемыми этими эпицентрами. Однако в большей степени данная черта была свойственна регионам русскоязычного Юго-Востока: Харьковская, Донецкая, Днепропетровская и Одесская области выделяли как культурно близкие не только друг друга, но также Львовскую и Киевскую области, Киев. Но последние «различали» в пределах юго-восточного пояса только Одесскую область, не обнаруживая культурно-исторического сродства с другими крупными русскоязычными региональными социумами. Иными словами, западные и центральные регионы Украины культурно-исторически более отчетливо дистанцировались от русскоязычного Юго-Востока, чем он от них.

Территориальные группы – «кому близок ты». Куда более значительно различались регионы Украины по уровню своей культурно-исторической близости к другим территориальным сообществам страны. Абсолютным лидером здесь была Львовская область, к которой культурное притяжение выше фонового уровня зафиксировали опросы в 22 регионах Украины. Со значительным отставанием от нее следовали Киевская и Одесская области (14–15 регионов). Далее располагались Киев и Закарпатская область (по 11 регионов), а также Харьковская, Полтавская и Ивано-Франковская области (по 9 регионов) (рис. 2Б). При этом у регионов-аутсайдеров обнаруживалось только по 2–3 региональных

социума, указавших на культурно-историческую близость с ними. Большинство аутсайдеров было сосредоточено в русскоязычном поясе. В их числе – не только Луганская, но и Донецкая области, один из крупнейших регионов страны. Это – свидетельство своего рода социокультурного «бойкота» Донбасса как наиболее россиецентричной части страны (показательно, что отстранялись от Донбасса даже русскоязычные регионы Юга).

В менее отчетливой форме это культурное дистанцирование фиксировалось и по отношению к другим русскоязычным регионам. Достаточно сравнить географию региональных социумов по такому количественному признаку как разность между двумя анализируемыми группами. Региональные социумы, у которых группа «кто близок тебе» ощутимо количественно превосходила группу «кому близок ты» (т.е. наблюдалась культурная эмпатия без взаимности) в своем большинстве были сосредоточены в русскоязычном поясе (рис. 3А). И наоборот, три из пяти регионов, с которыми обнаруживало культурное сродство большее число территориальных сообществ, чем эти регионы считали себе близкими, локализовались на западе Украины. Абсолютно уникальное место среди них занимала Львовская область, у которой разница между двумя группами достигала 13. Являлась эта область рекордсменом среди регионов Украины и по сумме обеих территориальных групп (рис. 3Б).

Феномен Львовской области, очевидно, требует более детального анализа. Как представляется, существенную роль в исключительной социокультурной позиции этого региона в постсоветской Украине играли особенности реализуемой в ней унитарной модели нациостроительства, с упором на единственный государственный язык и титульную этнокультурную традицию, «образцово-показательно» представленные в культурных практиках и социальной жизнедеятельности западного макрорегиона Украины и его ведущего центра Львова. Это не могло не отразиться на результатах опросов, поскольку во всех региональных социумах за три постсоветских десятилетия сформировались более

Рис. 3. Сумма и разность двух территориальных групп культурно-исторической близости у региональных сообществ Украины

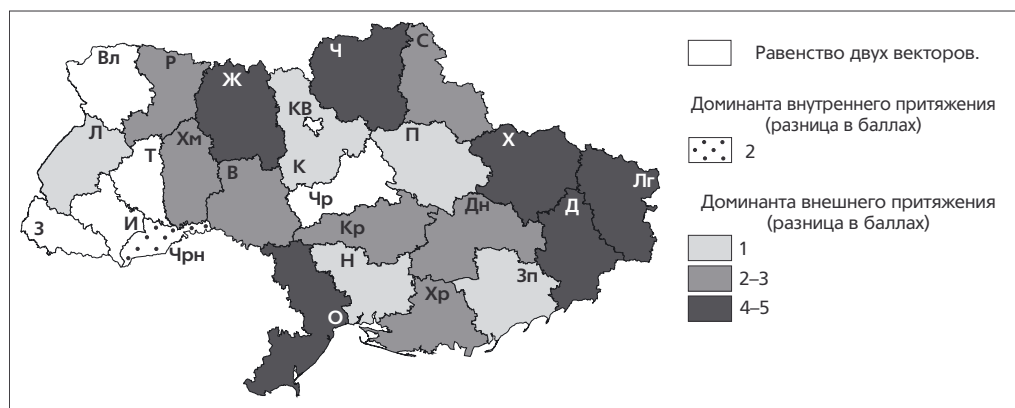

Рис. 4. Соотношение межрегиональной и внешней (межгосударственной) силы культурно-исторического притяжения региональных сообществ Украины

Примечание. В расчет принимались только наиболее выраженные (высокобалльные) внешние и внутренние ориентации регионов.

или менее обширные группы глубоко украиноцентричного населения, именно Львов считавшие социокультурной столицей страны.

Преимущественная ориентация части населения Украины на западный макрорегион имела и другое следствие. Столичный регион (Киев и Киевская область), который должен был выступать эпицентром социокультурной консолидации страны, оказался не в состоянии выполнять данную функцию в масштабах всей Украины. Большинство региональных социумов западного макрорегиона и Юго-Востока не обнаруживали своей культурно-исторической близости ни с Киевом, ни с Киевской областью.

В то же время показательно, что для всех восточных и южных регионов Украины уровень культурной близости Львовской области ограничивался 2 баллами (чуть выше фона) – свидетельство ограниченного размера группы украинцентричного населения. Впрочем, в зеркальной проекции культурно-историческая эмпатия отсутствовала почти полностью: региональные сообщества западной (в значительной степени и центральной) Украины не чувствовали даже небольшой культурной близости с русскоязычным Юго-Востоком. Исключение представляла только Одесская область – респонденты ряда западных и центральных регионов обнаруживали с ней слабое (2 балла) культурное родство. Свою роль здесь могла играть ощутимая социокультурная яркость этого регионального социума, а также этнокультурная специфика, позволявшая воспринимать его как менее россицентричный, чем другие регионы Юго-Востока.

Очевидной иллюстрацией гетерогенной социокультурной структуры Украины является и доминанта у значительного большинства региональных социумов страны внешней (межгосударственной) культурно-исторической ориентации над межрегиональным культурным родством. На Востоке страны, как уже отмечалось, это был российский вектор, на Севере – белорусская ориентация, в большинстве регионов Центра – белорусско-польская, на Западе – польская. Как следствие, общее число «межгосударственных» культурно-исторических сопряжений максимальной силы (8–9 баллов) у регионов Украины в сумме составляло 27, а межрегиональных – только 6; сопряжений значительной силы (6–7 баллов) было соответственно 27 и 11. Только у одного регионального социума (Черновицкая область) основные межрегиональные культурные ориентации по своей силе превосходили «внешнеположенные»; еще в шести фиксировалось их равенство, а в 18 регионах внешние культурно-исторические векторы доминировали над

внутриукраинскими (рис. 4). Иными словами, декларируемое «сродство» с внешним государством (государствами) у $\frac{3}{4}$ региональных сообществ Украины оказывалось более значительным, чем с другими регионами страны, включая даже территории своего социокультурного макрорегиона.

В максимальной степени данное качество было выражено у русскоязычных регионов Юго-Востока, во многих из которых показатель культурно-исторической близости с Россией и/или Беларусью превосходил самые сильные межрегиональные культурные смычки сразу на 4–5 баллов. Это свидетельство того, что в конце 2010-х гг. свой материнский этносоциокультурный ареал, свою культурно-историческую родину данные региональные сообщества обнаруживали не внутри страны и не в пределах своего макрорегиона (например, исторической Новороссии), но вне территории современной Украины.

Сказанное, однако, не означает, что региональные социумы страны совсем не ощущали культурной близости к регионам со сходными этносоциокультурными характеристиками и не формировали с ними более или менее обширные территориальные системы повышенного уровня культурно-исторической близости.

Ареалы повышенного межрегионального культурно-исторического сопряжения в пределах Украины. Анализ плотности и уровня близости межрегиональных социокультурных взаимориентаций региональных сообществ Украины позволяет выделить в ее пределах пять ареалов, определенным образом отличающихся от контуров зафиксированных нами ранее зон внешнего культурно-исторического притяжения. Данные ареалы можно условно обозначить как Восточный, Южный, Центральный, Западный и Центро-Западный. За исключением последнего эти ареалы достаточно хорошо пространственно коррелируют с макрорегионами Украины, выделяемыми во время опросов большинством современных украинских социологических групп («Демократические инициативы», 2022; Киевский международный институт социологии, 2023)³.

Отметим, что Центро-Запад фиксируется менее отчетливо, чем остальные ареалы, поскольку в известной степени представляет социокультурный лимитроф, состоящий из четырех региональных сообществ, расположенных между Центром и Западом Украины (Винницкая, Житомирская, Ровенская и Хмельницкая области). Эти социумы, согласно результатам опросов, не обнаруживали сколько-нибудь заметной культурно-исторической близости ни с западным, ни с центральным макрорегионами Украины, демонстрируя при этом определенную культурную взаиморасположенность, которая и позволяет выделить их в качестве самостоятельного социокультурного территориального образования.

Внутри всех пяти ареалов 31–83% межрегиональных смычек было культурно значимыми (5–9 баллов). В то же время во взаимодействии с внешнеположенными регионами страны данный показатель составлял только 0,8–1,7%, т.е. был на 1–2 порядка ниже (табл. 3).

Как следствие, средний балл культурно-исторической близости между регионами в пределах выделенных ареалов колебался в диапазоне 2,67–5,67, в то время как с внешними региональными сообществами он составлял только 1,29–1,39 (рис. 5).

В пределах русскоязычного пояса Украины располагались два ареала – Восточный (пять областей) и Южный (три региона). Пять региональных сообществ Востока в сумме указали на 10 других регионов Украины, которые были им культурно близки в максимальной, высокой или средней степени (4–9 баллов), 8 из этих 10 значимых межрегиональных сопряжений приходились на другие территориальные социумы самого восточного ареала (табл. 4). То есть 40% от общего числа межрегиональных коммуникационных сочетаний (их было 20) внутри данного ареала были культурно значимыми. Для Южного ареала этот показатель достигал 83%, что отчасти объяснялось его небольшими размерами (три

³ «Демократические инициативы». Опросы. URL: <https://dif.org.ua/category/opinion-polls> (дата обращения: 12.08.2023); Киевский международный институт социологии. Пресс-релизы и отчеты. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports> (дата обращения: 11.07.2023).

Таблица 3

Плотность значимых культурно-исторических сопряжений регионов Украины внутри и за пределами своих ареалов

Ареалы и регионы	Доля значимых (4–9 балла) межрегиональных сочетаний от общего числа сочетаний (%)		Доля высокочисленных (6–9 балла) межрегиональных сочетаний от общего числа сочетаний (%)	
	в пределах своего ареала	за пределами своего ареала	в пределах своего ареала	за пределами своего ареала
Восток (Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская, Харьковская обл.)	40,0	0,98	5,0	0
Юг (Николаевская, Одесская, Херсонская обл.)	83,3	1,48	50,0	0
Центр (Киев, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Черкасская, Черниговская обл.)	31,0	0,77	7,1	0
Центро-Запад (Винницкая, Житомирская, Ровенская, Хмельницкая обл.)	33,3	1,74	0	0
Запад (Волинская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Тернопольская, Черновицкая обл.)	46,7	1,71	33,3	0

региона – 6 взаимных межрегиональных смычек из которых 5 были значимыми). В трех других выделенных ареалах Украины этот показатель находился в диапазоне 31–47%.

Если брать в расчет только межрегиональные сопряжения максимального и высоко-го уровня культурно-исторической близости (6–9 баллов), то большинство из них прихо-дилось на Западный ареал (10 из 17, в т.ч. 5 из 7 «максимальных») – в его пределах треть всех межрегиональных сочетаний демонстрировала такую высокую степень взаимной

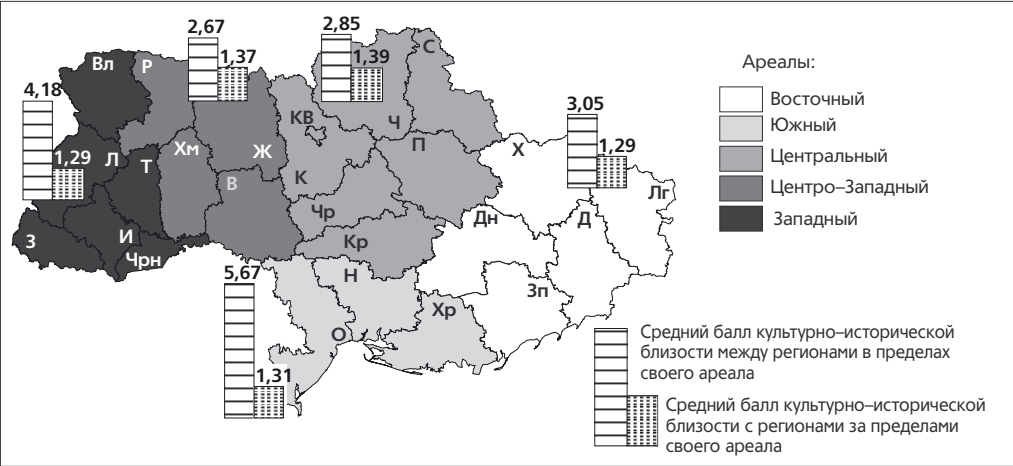

Рис. 5. Уровень культурно-исторической близости между регионами в пределах и за пределами своих ареалов

Таблица 4

**Культурно-исторически значимые межрегиональные смычки
по крупным ареалам Украины**

Ареалы	Число значимых сопряжений								Доля столбца 4 от столбца 8 (%)
	в пределах своего ареала				с остальными регионами Украины			всего	
	8–9 б.	6–7 б.	4–5 б.	Всего	8–9 б.	6–7 б.	4–5 б.		
	1	2	3	4	5	6	7		
Восточный	–	1	7	8	–	–	2	10	80,0
Южный	1	2	2	5	–	–	2	7	71,4
Центральный	1	3	10	14	–	–	4	18	86,7
Центро-Западный	–	–	4	4	–	–	–	7	57,1
Западный	5	5	4	14	–	–	4	18	77,8
Вся Украина	7	11	27	45	–	–	12	60	75,0

сопричастности. Выше был показатель только самого компактного Южного ареала (50%), тогда как у Центрального и Восточного ареалов этот показатель составлял всего 7,1% и 5,0% соответственно, а в Центро-Западном равнялся нулю.

Итак, максимальную степень культурно-исторической консолидации демонстрировали Запад и Юг Украины. Но первый из них был в два раза больше (6 областей), а число межрегиональных сочетаний в его пределах было больше в семь раз (42 против 6). Остальные ареалы-макрорегионы страны, несмотря на повышенный уровень сопряжения их регионов, в целом были значительно более социокультурно рыхлыми.

Выводы о дифференциации регионов Украины в конце 2010-х гг. Исследование зафиксировало низкий уровень внутренней социокультурной консолидации Украины в конце 2010-х гг., доминанту на большей части территории страны внешних культурно-исторических ориентаций над внутренними. Самая значительная часть региональных сообществ (3/4) в первую очередь ощущала свое культурно-историческое родство с одним или двумя–тремя сопредельными государствами, из которых выделялись своим значением Беларусь, Польша и Россия. В зависимости от соотношения силы культурного притяжения к ним в пределах Украины фиксировалось несколько крупных зон (российская, белорусская, белорусско-польская, польская) и значительное число подзон внешней культурной ориентации. Территориально они в заметной степени соотносились с историко-этнокультурными районами страны, связаны с политической историей отдельных территорий, этнической и культурно-языковой структурой их населения.

Для внутреннего пространства Украины были характерны слабые межрегиональные культурно-исторические сопряжения. Но и они в значительной степени концентрировались внутри ряда ареалов, коррелировавших с выделяемыми социологами макрорегионами Украины (Востоком, Югом, Центром, Западом). Значимые (от 4 баллов) культурно-исторические сопряжения региональных сообществ из различных ареалов были очень редки и практически всегда представляли ориентацию друг на друга ведущих социокультурных регионов (Днепропетровская, Киевская, Одесская, Харьковская и Львовская области).

Запад Украины демонстрировал повышенную степень социокультурной консолидации и культурно-исторического родства своих территориальных сообществ. В этом отношении ему не уступал Юг, который, однако, включал только три региональных социума. Остальные ареалы-макрорегионы в социокультурном плане были значительно более рыхлыми образованиями.

Высокая степень социокультурной гетерогенности Украины обнаруживалась и в том, что столичный регион Украины (Киев и Киевская область) не вызывал чувства культурной сопричастности у большинства региональных сообществ Запада, Юга и Востока страны,

а потому не полностью справлялся с задачей социокультурной консолидации Украины. В этом плане более значимой была роль Львовской области, на которую преимущественно ориентировались наиболее украиноцентричные группы населения всех регионов страны.

Анализ уровня межрегиональных социокультурных ориентаций различных частей Украины позволяет сделать вывод, что регионы Запада и Центра дистанцировались от русскоязычного Юго-Востока в значительно большей степени, чем он от них. В максимальной степени это проявлялось по отношению к региональным сообществам Донбасса, что отчасти могло объясняться влиянием на общественное сознание государственной пропаганды, интенсивность которой резко возросла после 2014 г. Но и с учетом этого обстоятельства зафиксированная опросами в 2018 г. отчетливая культурно-историческая ориентация всех восточных регионов Украины на Россию являлась очевидным свидетельством значительной устойчивости данного россияноцентричного вектора, тем самым и высокой способности этих региональных сообществ противостоять практикам государственного этносоциокультурного конструктивизма.

Изменения дифференциации регионов Украины в 2020-е гг. С момента проведения проанализированного опроса прошло чуть более шести лет – совсем небольшой срок для такого консервативного социопсихологического параметра региональных социумов, как их культурно-историческая память, формируемая на протяжении многих поколений. Но современная Украина – особый случай. Очевидно, что с 2022 г. динамика многих социопсихологических характеристик ее населения существенно ускорилась, коллективные представления крупных территориальных сообществ за последние три года могли заметно трансформироваться. Очевидно и то, что эти изменения также не окончательны.

Тема культурно-исторических сопряжений/предпочтений региональных социумов в целом оставалась на периферии исследовательского интереса украинской социологии, преимущественно сосредоточенной на мониторинге соотношения двух основных геочивилизационных ориентаций населения страны (Запад, Евросоюз – Россия), в т.ч. в региональном/макрорегиональном разрезе, а также отслеживании процессов в культурно-языковой сфере. Но по своему социальному наполнению эти аспекты далеко не полностью сопоставимы с векторностью культурно-исторического притяжения территориальных сообществ, исследованной нами по результатам опроса 2018 г.

Геочивилизационная и культурно-языковая проблематика оставалась в центре внимания украинских социологов и в последние годы (см.: Grushetskyi A. и Paniotto V.⁴; [Kutsenko, 2023]). Основные их выводы сводятся к нескольким тезисам:

- украинское общество ответило на «вооруженную агрессию России» беспрецедентным гражданским объединением;
- эта консолидация, происшедшая на прозападной идеолого-мировоззренческой платформе (при доминанте «евро-атлантических» геочивилизационных ориентаций), позволила если не полностью преодолеть, то кардинально сократить все значимые до недавнего времени региональные, этнические, культурно-языковые, социально-политические различия и противоречия, существовавшие в украинском обществе;
- тем самым самая значительная часть «маршрута» по формированию на Украине полноценной гражданской нации западного образца уже пройдена.

В исследованиях, посвященных этнокультурным процессам и динамике культурно-языковых предпочтений населения Украины, констатируется существенное усиление позиций украинского языка даже в русскоязычных регионах, при отсутствии сколько-нибудь масштабных проявлений дискриминации населения страны по языковой и этнической принадлежности. Налицо практически полное решение «русского» вопроса – сокращение

⁴ Grushetskyi A., Paniotto V. How the War in Ukraine Has Changed Ukrainians. Russia's Invasion Has Spurred Long-Term Social Transformations // Foreign Affairs. 30.12.2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/how-war-ukraine-has-changed-ukrainians> (accessed 31.01.2025).

до 2–3% населения, идентифицирующего себя как русские, формирование единой украинской этнонации [Kulyk, 2022; 2023].

Заметим, что даже поверхностный анализ этих работ и в целом украинской социологической аналитики последних лет нередко обнаруживает (на уровне лексики, исследовательских ракурсов, аргументации) ощутимую эмоциональную вовлеченность авторов в происходящие процессы. Это не может не отражаться и на интерпретации результатов проводимых опросов⁵. Поэтому исследовать наиболее вероятные направления сдвигов культурно-исторических ориентаций региональных социумов Украины после 2022 г. можно пока только путем экспертной аналитики.

Очевидно, что значительная часть этих сдвигов обусловлена уже происшедшими изменениями в политической географии Украины и общей географии ее населения. В результате СВО существенно изменились контуры и демографический потенциал русскоязычного пояса страны. Восточный макрорегион Украины утратил почти весь Донбасс и 2/3 Запорожской области; Южный – 2/3 Херсонской. С начала вооруженного конфликта порядка 6–8 млн жителей Украины оказались за пределами страны, еще несколько миллионов покинули регионы своего постоянного проживания. В максимальной степени эта миграционная волна затронула население юго-восточных территорий, наиболее приближенных к театру боевых действий. Тем самым, спецоперация не только привела к серьезной пространственной дефрагментации русскоязычного пояса, но и существенно сократила общую численность его населения, а также долю последнего в демографическом потенциале Украины⁶.

Перемещение значительного числа жителей юго-востока в западные и центральные регионы страны способствовало резкой активизации взаимодействия представителей различных региональных социумов, относящихся к этносоциокультурным полюсам Украины. Такая коммуникация не могла не отразиться на взаимном восприятии, стереотипах и коллективистских представлениях его участников. Военные условия этого взаимодействия определяли многосоставной и противоречивый характер его результатов, среди которых, наряду с положительными эффектами, присутствовала и травматическая составляющая, которая, прежде всего, могла отличать восприятие беженцев Востока. Но можно предположить, что положительная компонента в целом преобладала, позволив сократить социопсихологическую дистанцированность Запада и Востока страны⁷.

Итак, есть основания полагать, что три года вооруженного конфликта способствовали росту внутренней социокультурной связанности украинских регионов (в т.ч. из-за

⁵ Примечательно в этой связи, что блокировка доступа российских пользователей Интернета к подавляющему большинству баз данных, источников статистической и значимой социальной информации, введенная на Украине после начала СВО, не распространялась на результаты социологических опросов, которые оставались в открытом доступе почти до конца 2023 г. Едва ли речь шла о простой оплошности. Все основания полагать, что это было сознательным решением, чтобы российские специалисты и заинтересованные структуры (и шире – все желающие россияне) могли убедиться в «беспрецедентном гражданском единстве украинского общества», в условиях жесткого вооруженного конфликта излучавшего социальный оптимизм и максимальную уверенность в своей победе. Иными словами, украинская прикладная социология использовалась в качестве элемента информационно-психологической войны. Но когда результаты опросов вследствие очевидного затягивания конфликта стали все меньше соответствовать транслируемому плакатному образу «единой украинской нации», информация о них для российских пользователей была закрыта.

⁶ Расчеты сдвигов в размещении населения Украины за 2021–2023 гг., выполненные на основе статистики рождений за данный период, свидетельствуют о сокращении удельного веса южного и восточного макрорегионов с 33–34% до 24–25%.

⁷ Очевидно и то, что темпы культурно-языковой аккультурации переселенцев с Юго-Востока в западном и центральных макрорегионах страны оказались существенно выше, чем в период их компактного проживания в русскоязычных регионах Украины.

ухода из состава Украины наиболее россиецентричных территориальных сообществ), позволившего сократить ее исходную историко-культурную гетерогенность⁸.

Включение самой значительной части Донбасса и Северного Приазовья в состав РФ, жесткое вооруженное противостояние Украины и России, масштабная военно-финансовая помощь и системная поддержка Запада, мощный прессинг государственной пропагандистской машины работали на сокращение культурно-исторических ориентаций населения на Россию и ее ближайшего союзника – Беларусь. В результате совокупной работы этих факторов могла произойти практически полная деконструкция зафиксированной опросом 2018 г. российской зоны доминирующего культурно-исторического притяжения. Одновременно самым существенным образом могла расшириться зона польской доминанты за счет включения в нее если не всей, то значительной части белорусско-польской и части непосредственно белорусской зон культурно-исторической ориентации.

В межрегиональных ориентациях региональных социумов в последние годы с большой вероятностью должна была возрасти роль Киева как средоточия военно-политической власти, позволяя столице хотя бы отчасти устранить имевшийся дефицит системного консолидирующего потенциала.

Возможно, самая главная подвигка заключалась в том, что за последние три года у всех регионов Украины оформился предельно значимый участок **общего прошлого**. Текущий вооруженный конфликт, подаваемый государственной пропагандой (при абсолютной поддержке населения Запада и Центра страны) как Великая Отечественная война украинского народа, с 2022 г. становится центральной вехой в истории постсоветской Украины. Это, безусловно, будет играть стержневую роль в ее последующем развитии, определяя не только исходные параметры социально-экономической динамики или социокультурного развития, но и характер нациостроительства. Оно будет комплексно и последовательно строиться вокруг всех перепитий этого конфликта как консолидирующего участка коллективной памяти всех региональных социумов страны. К тому есть серьезные предпосылки – прежде всего, опыт «фронтowego братства» весомой части взрослого мужского населения страны, прошедшего через войну, и масштабные потери, понесенные населением всех территорий Украины.

В то же время едва ли проблему пониженной внутренней историко-культурной сопряженности различных территорий Украины можно считать полностью решенной в современном транзитном состоянии украинского общества (с еще неизвестными координатами новой территориальной, социально-экономической и социодемографической стабильности). Текущий вооруженный конфликт и множественные варианты выхода из него включают целый ряд серьезных угроз, способных активизировать центробежные векторы внутри украинского общества и между его региональными социумами.

Преждевременным представляется и вывод ряда украинских социологов о фактическом «закрытии» русского вопроса. Сам политикум страны считает одним из основных аспектов его решения перевод населения Юго-Востока на титульную «мову». Русскоязычие (следовательно, в значительной степени и «русскокультурные»), по-прежнему широко распространенное в ряде региональных сообществ Украины⁹, в настоящее время остается единственным фиксируемым признаком их культурно-исторического сопряжения с Россией. Нет сомнения, что власть продолжит комплексную работу по «выкорчевыванию» языка «агрессора» не только из всех сфер общественной жизни, но по возможности и из бытовой (семейной) практики населения страны. Однако эффект такой деятельности,

⁸ Эта прямая корреляция между масштабами успехов федеральной группировки «на земле» и ростом культурно-исторической сопряженности региональных сообществ Украины в полной мере может быть спроецирована в будущее. Чем больше территорий Юго-Востока будет переходить под контроль России, тем более однородным становится пространство Украины, находящееся под контролем Киева.

⁹ Более того, в 2023–2024 гг. фиксируется заметное торможение процесса украинизации языкового пространства страны, получившего серьезный импульс после начала СВО.

как свидетельствует социальная практика, может быть не только прямым, но и обратным, способствуя сохранению этих региональных социумов в культурно-языковом гравитационном поле России. А происходящее возвращение с подконтрольных Киеву территорий в новые регионы России значительного числа беженцев (порядка 150 тыс.)¹⁰ является очевидным свидетельством того, что немалая часть населения Юго-Востока не только сохраняет достаточно высокий уровень россиецентричности, но и на практике готово вписаться в российский государственный проект, хотя в современных условиях подобное действие требует очень значительных усилий и незаурядной решимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабинцев В.П., Сапрыка В.А., Быхтин О.В., Пастюк О.В. Интеракция культурно-цивилизационных идентичностей населения приграничных регионов России и Украины // Вестник славянских культур. 2017. № 9. С. 9–23.
- Гриценко А.А., Крылов М.П. Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 126–140.
- Зотова М.В., Колосов В.А. Трансформация трансграничных взаимодействий на российской-украинском пограничье после 2014 года // Сравнительная политика. 2018. № 2 (9). С. 41–61.
- Крылов М.П., Гриценко А.А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 28–42.
- Макарчук С.А. Історико-етнографічні райони України. Львів: Львівський національний університет, 2012.
- Мошес А. Конфликтный потенциал в российско-украинских отношениях. Взгляд из России // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 2. Россия, Украина, Белоруссия. М.: Весь мир, 1997. С. 23–44.
- Никифоров А.Р. Культурно-исторический анализ украинского политического пространства // Ученые записки Таврического национального университета. Т. 24 (65). 2012. № 4. С. 244–253.
- Портнов А.В. Упражнения с историей по-украински. М.: ОГИ; Полит.ру; Мемориал, 2010.
- Русские в современном мире. М.: ИЭиА РАН, 1998.
- Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М.: Наука, 2001.
- Темненко В.А. Три Украины // Таврические ведомости. 1997. № 1. С. 27–29.
- Чекаленко-Васильева Л. Влияние регионализма на формирование внешней политики Украины // Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 2. Россия, Украина, Белоруссия. М.: Весь мир, 1997. С. 179–193.
- Шульга М.А. Динаміка використання української і російської мов у сімейному спілкуванні. Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг. Київ: Азбука. 2010. С. 449–458.
- Kulyk V. Is Ukraine a Multiethnic Country? // Slavic Review. 2022. No. 81 (2). P. 299–323.
- Kulyk V. What Have We Learned about Ethnonational Identities in Ukraine? // Nationalities Papers. 2023. No. 51 (5). P. 975–990.
- Kutsenko O. Power of Freedom and Activism: Ukrainian Alternative to Militant Authoritarianism // XX ISA World Congress of Sociology. URL: https://sau.in.ua/app/uploads/2023/07/kutsenko_isa-congr.pdf (дата обращения: 11.07.2023).

Статья поступила: 15.01.25. Финальная версия: 28.01.25. Принята к публикации: 03.02.25.

¹⁰ Эта цифра была озвучена в ноябре 2024 г. депутатом Верховной рады М. Ткаченко, заместителем председателя Комитета по делам беженцев. Около 70 тыс. из данного числа вернулось в Мариуполь (около трети от числа всех выехавших горожан). Данное заявление было почти сразу дезавуировано, что вполне логично в условиях жесткого информационного противоборства. Но это не отменяет реального процесса – возвращения из Украины в новые регионы РФ многих десятков тысяч людей.

INTERREGIONAL CULTURAL AND HISTORICAL CONNECTIONS AND EXTERNAL SOCIO-CULTURAL ORIENTATIONS OF UKRAINE' REGIONS: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

SUSHCHIY S. Ja.

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre RAS (SSC RAS), Rostov-on-Don, Russia

Sergey Ja. SUSCHIY, Dr. Sci. (Phil.), Chief Researcher, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia (SS7707@mail.ru).

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00974, <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

Abstract. In the scientific literature, there are many options for cultural-historical zoning of Ukraine. But to what extent do regional communities themselves remain committed to their historical and cultural roots, what are their dominant interregional and external orientations? The results of a series of population surveys conducted in 2018 by the Rating sociological group in all regions of Ukraine allow to study these problematic aspects. A comprehensive analysis recorded the dominance of external cultural and historical orientations over internal ones – three-quarters of the regions primarily felt their cultural and historical affinity with neighboring states, of which Belarus, Poland, and Russia stood out. Depending on the force of attraction to them, many zones and subzones of external cultural orientation were recorded within Ukraine. The internal space of Ukraine was characterized by weak interregional cultural and historical connections, which were concentrated within a number of areas-macro-regions. The interconnections of regional communities from different areas almost always represented the mutual orientation of leading socio-cultural regions. But in general, the regions of the west and center have distanced themselves culturally and historically from the Russian-speaking southeast to a much greater extent than it has distanced itself from them. The metropolitan region did not evoke a sense of cultural closeness among most regional communities of the west and south-east and therefore did not fully cope with the function of socio-cultural consolidation of the country. More significant was the role of the Lviv region, which was targeted by the most Ukrainian-centric groups of the population throughout Ukraine.

Keywords: Regional communities of Ukraine, cultural and historical proximity, interregional orientations, socio-cultural macroregions, vectors and zones of external cultural attraction, areas of interregional attraction.

REFERENCES

- Babintsev V.P., Sapryka V.A., Bykhtin O.V., Pastyuk O.V. (2017). Interaction of Cultural and Civilization Identities of the Population of the Border Regions of Russia and Ukraine. *Vestnik slavyanskih kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures]. No. 9: 9–23. (In Russ.)
- Chekalenko-Vasilyeva L. (1997) Influence of Regionalism on the Formation of Foreign Policy in Ukraine. In: *Ethnic and Regional Conflicts in Eurasia. Book 2. Russia, Ukraine, Belarus*. Moscow: The whole world: 179–193. (In Russ.)
- Gritsenko A.A., Krylov M.P. (2012) Ethno-Cultural Gradient: Regional Identity and Historical Memory in Neighboring Regions of Russia and Ukraine. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya* [Cultural and humanitarian geography]. No. 2: 126–140. (In Russ.)
- Krylov M.P., Gritsenko A.A. (2012) Regional and Ethno-Cultural Identity in the Russian-Ukrainian and Russian-Belarusian Borderlands: Historical Memory and Cultural Transformations. *Labirint. Zhurnal soci-al'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies]. No. 2: 28–42. (In Russ.)
- Kulyk V. (2022) Is Ukraine a Multiethnic Country? *Slavic Review*. No. 81(2): 299–323.
- Kulyk V. (2023) What Have We Learned about Ethnonational Identities in Ukraine? *Nationalities Papers*. No. 51(5): 975–990.
- Kutsenko O. (2023) Power of Freedom and Activism: Ukrainian Alternative to Militant Authoritarianism. *XX ISA World Congress of Sociology*. URL: https://sau.in.ua/app/uploads/2023/07/kutsenko_isa-congr.pdf (accessed 12.09.2023).
- Makarchuk S.A. (2012) *Historical and ethnographic regions of Ukraine*. Lviv: Lviv National University. (In Ukr.)

- Moshes A. (1997) Conflict Potential in Russian-Ukrainian Relations. A Look from Russia. In: *Ethnic and Regional Conflicts in Eurasia. Book 2. Russia, Ukraine, Belarus*. Moscow: The whole world: 23–44. (In Russ.)
- Nikiforov A.R. (2012) Cultural and Historical Analysis of the Ukrainian Political Space. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta* [Academic notes of the Tauride National University]. No. 4: 244–253. (In Russ.)
- Portnov A. (2010) *Exercises with History in Ukrainian: Results and Prospects*. Moscow: OGI; Polit.ru; Memorial. (In Russ.)
- Russians in the Modern World* (1998). Moscow: IEaA RAS. (In Russ.)
- Savoskul S.S. (2001) *Russians of the New Abroad: the Choice of Fate*. Moscow: Science. (In Russ.)
- Shulga M.A. (2010) Dynamics of the Use of Ukrainian and Russian Languages in Family Communication. *Ukrainian society 1992–2010. sociological monitoring*. Kiev: Azbuka: 449–458. (In Ukr.)
- Temnenko V.A. (1997) Three Ukrainians. *Tavrisheskie vedomosti* [Tavrisheskie Vedomosti]. No. 1: 27–29. (In Russ.)
- Zotova M.V., Kolosov V.A. (2018) Transformation of Cross-Border Interactions on the Russian-Ukrainian Border after 2014. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Policy]. No. 2 (9): 41–61. (In Russ.)

Received: 15.01.25. Final version: 28.01.25. Accepted: 03.02.25.